
Роман Александрович Сорочкин
Докторант кафедры уголовного
права Московского государственного
юридического университета
им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
E-mail: roman4789@rambler.ru

ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК

Аннотация. Актуальность изучения признаков субъектов коррупционных преступлений, предусмотренных подп. 1 п. 1 ст. 4 Федерального закона «О противодействии коррупции», предопределяет предмет статьи — исследование с использованием диалектического, системно-структурного, формально-логического метода обоснованности отражения организационно-распорядительной, административно-хозяйственной функции, функции представителя власти в уголовно-правовой норме-дефиниции, определяющей должностное лицо. Цель исследования — аргументация позиции о том, что понятие должностного лица должно отражать наличие «публичных полномочий», характерных для всех видов его наиболее распространенных и общественно значимых управленческих функций. Новизна статьи определяется ее содержанием — совокупностью положений, позволяющих повысить эффективность уголовно-правового противодействия коррупции (в частности, предложенной характеристикой публичного полномочия должностного лица) и уровень антикоррупционной правовой культуры.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное преступление, субъект коррупционного преступления, должностное лицо.

Roman Alexandrovich Sorochkin
Doctoral Student of the Criminal Law
department, Kutafin Moscow State Law
University (MSAL), Candidate
of Legal Sciences

An Official as the Entity of Corruption Crime: Functional Characteristic

***Annotation.** The relevance of the study characteristics innate to entities of corruption crimes, prescribed in sub-chapter 1, Article 4 of Federal Law «On Countering Corruption», determines the subject of the research. That's why it is represented by the investigation itself which contains dialectical, systematic structural, formal logical methods of reflecting the organizational-administrative and administrative-economic functions and the functions of a representative of the authorities in the criminal-legal norm-definition determining an official. The purpose of the research is to argue the view on an official as on a person vested with «social powers» mostly typical and publicly significant for its administrative functions. The newness of the article is indicated by its content which is the complexity of provisions allowing to increase the effectiveness of criminal legal countering corruption (the author suggests the characteristics of an official's social powers) and the level of anti-corruption legal culture.*

***Keywords:** corruption, corruption crime, entity of corruption crime, official.*

Актуальность вынесенной в название статьи темы подчеркивает недавнее очередное изменение редакции нормы-дефиниции должностного лица, предусмотренной примечанием 1 к ст. 285 УК РФ (в ред. Федерального закона от 24.02.2021 № 16-ФЗ). Произшедшая реформа подчеркивает внимание законодателя к вопросам должного нормативного обеспечения эффективности уголовно-правового противодействия коррупции как важнейшему инструменту повышения уровня антикоррупционной правовой культуры в России в целом.

А. Чирков обоснованно отмечает: «Как следует из данного определения [должностного лица в прим. 1 к ст. 285 УК РФ], должностное лицо характеризуется прежде всего функциональными (вид осуществляемых полномочий) и структурными (место службы, работы) признаками. К признакам должностного лица следует отнести и характер исполнения своих полномочий: постоянно, временно или по специальному полномочию. При этом для признания лица должностным необходима, как правило, совокупность функциональных и структурных признаков» [1, с.112–113].

Современный теоретический подход определяет функциональные, по выражению А. Чиркова, признаки должностного лица путем указания на «функции представителя власти», «организационно-распорядительные функции», «административно-хозяйственные функции».

На наш взгляд, определение должностного лица как субъекта коррупционного преступления путем таких указаний противоречит функциональному признаку этого субъекта (под которым понимается наличие управленческой функции, подтверждающейся наличием у лица полномочий служебного положения на принятие и осуществление самостоятельных личных решений от имени юридического лица, обязательных и влекущих правовые последствия для этого лица [2, с. 157]).

В отношении должностного лица как субъекта коррупционного преступления содержание функционального признака состоит в наличии у лица публичного полномочия — полномочия служебного положения на принятие и осуществление обеспечивающего интересы публичной власти самостоятельного личного решения от имени обеспечивающего интересы такой власти юридического лица, обязательного и влекущего правовые последствия для такого юридического лица, а также для неопределенного круга лиц (как находящихся, так и не находящихся в служебной зависимости). Отметим, что термин «публичное полномочие» не является производным от термина «публичная функция», в предлагаемом термине слово «публичный» означает «детерминируемый интересами публичной власти», т. е. объектом уголовно-правовой охраны.

Полагаем, что используемый в законодательном уголовно-правовом определении должностного лица термин «функция» не в полной мере дифференцирует ответственность такого лица в сравнении с иными служащими. Этот термин понимается как «направление деятельности в сфере управления» [3, с. 40] либо как «совокупность обязанностей, прав и полномочий» [4, с. 53]. Совокупность функций должностных лиц именуется «публичными функциями» [5].

Так, по определению Р. Ю. Смирнова, публичная функция — это «обязанность действовать в публичных интересах, деятельность, обеспечивающая нормальное осуществление государственной власти, государственной службы и призванная защищать государственные и общественные интересы, охраняемые законом права и интересы отдельных граждан» [6, с. 24]. Наличие публичной функции в предлагаемой трактовке является свойственным для любого служащего юридического лица, обеспечивающего интересы публичной власти, а не только должностного лица. Указание на публичную функцию и ее разновидности (функцию представителя власти, организационно-распорядительную и административно-хозяйственную функции) в уголовно-правовой норме, определяющей понятие должностного лица, производится для отражения в этой норме интересов публичной власти как объекта уголовно-правовой охраны в целом.

Некоторые ученые полагали, что отличительный признак должностного лица составляет наличие у него права (обязанности, полномочия) на совершение юридически значимого действия [7, с. 123–124; 8, с. 101; 9, с. 132; 10, с. 141]. А. В. Шнитенков возражал таким утверждениям: «Фактически большинство действий любого человека, в том числе и служащего, имеет юридическое значение» [11, с. 132–133]. Н. В. Бугаевская разграничивала юридические действия обычного человека и служащего с такими действиями должностного лица по критерию наличия у последнего государственно-властного полномочия (представителя власти) или «функции управления людьми или имуществом», поскольку эти функции могут быть признаками должностных лиц лишь тогда, когда они юридически значимы [12, с. 127].

Следует поддержать позицию, согласно которой отличительным критерием должностного лица в сравнении с иным служащим или обычным человеком является наличие у него делегированного данному субъекту государством либо органом местного самоуправления и нормативно закрепленного права самостоятельно

(автономно) принимать государственно-властные или управленческие решения [13, с. 123]. В. А. Волколупова и Ю. В. Портнова обоснованно указывают, что наличие полномочия является признаком, отличающим должностное лицо от иных служащих [13, с. 21; 14, с. 62]. Так, предусмотренные российским уголовным законом диспозиции составов преступлений, указывающих в качестве субъекта должностных лиц, предусматривают в качестве признака объективной стороны не использование функции представителя власти, организационно-распорядительной или административно-хозяйственной функции, а использование или превышение полномочий либо использование служебного положения (составляющего указанные полномочия). Понятие представителя власти также предусматривает в качестве обязательного признака этого должностного лица наличие «распорядительных полномочий» (примечание к ст. 318 УК РФ).

Служебная деятельность по осуществлению публичных полномочий имеет своей целью обеспечение интересов публичной власти, отражающих основополагающие интересы человека и гражданина, организаций, общества и государства — интересы неопределенного круга лиц. Эта цель является единственным основанием для наделения субъектов такой деятельности правом требовать определенного поведения и применять для удовлетворения такого требования меры государственного принуждения в отношении неопределенного круга лиц. Так, распорядительное полномочие представителя власти — полномочие следователя на задержание в течение 48 часов лица, подозреваемого в совершении преступления (мера государственного принуждения), — распространяется на всех таких подозреваемых, т. е. на неопределенный круг лиц.

Выделяемые в уголовном праве организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, распространяющиеся на определенный круг лиц, также представляют собой полномочия на принятие и осуществление решения, обязательного и влекущего правовые последствия для неопределенного круга лиц. Так, расходование бюджетных средств должностным лицом получателя на цели, не соответствующие условиям их получения, определенным утвержденным бюджетом, совершенное в крупном размере (ч. 1 ст. 2851 УК РФ), создает угрозу неисполнения либо влечет неисполнение или ненадлежащее исполнение бюджетных обязательств. Подобный вред отражает характер общественной опасности этого преступления и его объект, соответствующий объекту именно должностного (а не экономического) преступления. Такое преступление посягает на интересы публичной власти, а не на отношения собственности: нецелевое расходование бюджетных средств влечет невозможность (угрозу невозможности) функционирования предусмотренного нормами права порядка обеспечения органами публичной власти основополагающих интересов человека и гражданина, организаций, общества и государства — интересов неопределенного круга лиц (например, невозможность своевременной выплаты пенсий неопределенному кругу пенсионеров). В противном случае — в случае иного объекта преступления — нецелевое расходование бюджетных средств являлось бы разновидностью растраты.

Определенность круга лиц, на который распространяется публичное полномочие должностного лица, имеет уголовно-правовое значение как признак субъекта коррупционного преступления — должностного лица, если отражает содержание охраняемых отношений. Так, наличие ответственности за превышение судьей своих должностных полномочий путем вынесения заведомо неправосудного приговора (ч. 1 ст. 305 УК РФ) обусловливается дифференциацией уголовной ответственности по причине посягательства на самостоятельный объект уголовно-правовой охраны, а не по причине наличия у судьи распорядительных полномочий представителя власти в отношении неопределенного круга подсудимых.

Осуществление публичных полномочий разными юридическими лицами (органами государственной власти, органами местного самоуправления, осуществляющими их полномочия или обеспечивающими надлежащее исполнение этих полномочий) имеет одинаковую степень общественного значения. На современном этапе экономического и научно-технического развития надлежащее осуществление этих полномочий одними такими юридическими лицами взаимно невозможно без одновременного надлежащего осуществления этих полномочий другими такими лицами. Например, Минобороны России не сможет обеспечить противоракетную оборону страны без поставок современных систем воздушно-космической обороны предприятиями оборонно-промышленного комплекса.

На основании этого полагаем, что служебная деятельность должностных лиц является единообразной по характеру и цели их полномочий и должна обеспечиваться по общему правилу равной уголовно-правовой охраной в зависимости от содержания объекта такой охраны. Различная степень такой охраны может устанавливаться исключительно в зависимости от содержания и значения охраняемых общественных отношений.

На наш взгляд, по этой причине распространенность полномочий должностного лица на определенный либо на неопределенный круг лиц не подлежит по общему правилу отражению в специальных признаках этого субъекта преступления. Такая распространенность может использоваться в качестве основания дифференциации уголовной ответственности в особых случаях, детерминированных объектом уголовно-правовой охраны.

Таким образом, термины «функции представителя власти», «организационно-распорядительные функции», «административно-хозяйственные функции» не позволяют сформулировать содержание публичных полномочий должностного лица с должной степенью точности — как признак, отличающий это лицо от других служащих. Понятие должностного лица должно отражать наличие у этого лица названных полномочий, отражающих все виды наиболее распространенных и общественно значимых управленческих функций такого лица; такое отражение следует обеспечить в ходе дальнейшего совершенствования норм-дефиниций, определяющих должностное лицо в российском уголовном законодательстве.

Руководствуясь Конституцией России (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), установившей «единую систему публичной власти в Российской Федерации» (ч. 3 ст. 132), и на основании вышеизложенного можно предложить следующую редакцию нормы примечания

1 к ст. 285 УК РФ: «Должностным лицом в статьях настоящего Кодекса признается лицо, в соответствии с законом или иным нормативным правовым актом постоянно, временно, по специальному полномочию осуществляющее в интересах публичной власти от имени органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических лиц, осуществляющих полномочия указанных органов, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских (специальных) формирований, юридических лиц, в которых предусмотрена военная служба, либо от имени поставляющего товары, выполняющего работы, оказывающего услуги для обеспечения нужд указанных органов, юридических лиц, сил, войск, формирований юридического лица полномочие принятия и осуществления самостоятельного личного решения, обязательного для исполнения (соблюдения) другими лицами, в том числе лицами, указанными в настоящем примечании».

Указание в предлагаемой норме на Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские (специальные) формирования, юридических лиц, в которых предусмотрена военная служба, основывается на разделяемой отчасти автором позиции О. К. Зателепина о несоответствии указанных в примечании 1 к ст. 285 УК РФ военных организаций федеральному законодательству о военной службе [15, с. 77].

Указание в предлагаемой норме «в статьях настоящего Кодекса» обусловливается необходимостью наличия уголовно-правовой нормы — определения должностного лица, действующей в целом в рамках уголовного закона; позволяет решить известную проблему толкования понятия «должностное лицо» в УК РФ за пределами его главы 30.

Указание в предлагаемой норме на юридическое лицо, поставляющее товары, выполняющее работы, оказывающее услуги *для обеспечения нужд*, способствует признанию должностными лицами руководителей организаций — участников всех уровней производственной кооперации, начиная с организации — головного исполнителя, созданной для обеспечения публичных нужд, независимо: 1) от основания получения этими организациями публичных финансовых ресурсов; 2) от формы собственности организаций на принадлежащее им имущество, личности учредителя (участника), акционера. Это указание является объективно необходимым в условиях современного высокотехнологичного производства и поставки технически сложных товаров (выполнения работ и услуг), выполняемых как правило многими организациями (например, кооперация по производству военно-морского судна включает до 2000 организаций), для обеспечения публичных нужд, без удовлетворения которых осуществление интересов публичной власти является невозможным.

Предлагается также дополнить ст. 285 УК РФ примечанием 11: «Осуществление лицом полномочия, указанного в примечании 1 к настоящей статье, от имени указанного в примечании 1 к настоящей статье юридического лица, поставляющего товары, выполняющего работы, оказывающего услуги для обеспечения нужд лиц, не являющихся органами, юридическими лицами, силами, войсками, формированиями, указанными в примечании 1 к настоящей статье, не является основанием для признания лица должностным лицом».

Предлагаемая норма устанавливает правило, согласно которому осуществление физическим лицом управленческого полномочия от имени юридического лица в случаях поставки этой организацией товаров (выполнения работ, услуг) иным лицам, не являющимся субъектами публичной власти, должно исключать признание этого человека должностным лицом, обеспечивая тем самым справедливую дифференциацию ответственности за совершение коррупционных преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Чирков А. П. Проблемы определения субъекта преступлений коррупционной направленности // Уголовное право. 2013. № 5. С. 112–113.
2. Сорочкин Р. А. Субъект управленческого коррупционного преступления // Государство и право. 2020. № 11. С. 154–157.
3. Динека В. И. Должностные и служебные преступления: субъект, полномочия, ответственность // Криминологический журнал. 2002. № 2. С. 38–41.
4. Аснис А. Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России: проблемы законодательного закрепления и правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
5. Бугаевская Н. В. Выполнение публичных функций как признак субъекта коррупционных преступлений // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3. С. 90–94.
6. Смирнов Р. Ю. К вопросу об оптимизации отечественного антикоррупционного уголовного законодательства // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 1. С. 24–26.
7. Кучерявый Н. П. Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1957.
8. Сахаров А. Б. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1956.
9. Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления. Киев : Наук. думка, 1978.
10. Ямпольская Ц. А. О должностном лице в государственном аппарате // Вопросы советского административного права. 1949. С. 134–153.
11. Шнитенков А. В. Ответственность за преступления против интересов службы : дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2006.
12. Бугаевская Н. В. Должностное лицо как субъект преступления : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003.
13. Волколупова В. А. Должностное лицо как субъект уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.
14. Портнова Ю. В. Должностное лицо как специальный субъект преступления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
15. Зателепин О. К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства. М. : За права военнослужащих, 2009.

References

1. CHirkov A. P. Problemy opredeleniya sub»ekta prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti // Ugolovnoe pravo. [Problems of determining the subject of corruption-related crimes // Criminal law.] 2013. № 5. P. 112–113.
2. Sorochkin R. A. Sub»ekt upravlencheskogo korrupcionnogo prestupleniya // Gosudarstvo i pravo. [Entity of administrative corruption crime // State and law.] 2020. № 11. P. 154–157.
3. Dineka V. I. Dolzhnostnye i sluzhebnye prestupleniya: sub»ekt, polnomochiya, otvetstvennost' // Kriminologicheskij zhurnal. [Official and service crimes: subject, authority, responsibility // Criminological journal.] 2002. № 2. P. 38–41.
4. Asnis A. YA. Ugolovnaya otvetstvennost' za sluzhebnye prestupleniya v Rossii : problemy zakonodatel'nogo zakrepleniya i pravoprimeneniya : dis. ... d-ra jurid. nauk. [Criminal liability for service crimes in Russia : problems of legislative consolidation and law enforcement : dissertation of Doctor of Legal Sciences] M., 2005.
5. Bugaevskaya N. V. Vypolnenie publicnyh funkcij kak priznak sub»ekta korrupcionnyh prestuplenij // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. [Performance of public functions as a sign of the subject of corruption crimes // Man: crime and punishment.] 2015. № 3. P. 90–94.
6. Smirnov R. YU. K voprosu ob optimizacii otechestvennogo antikorrupcionnogo ugolovnogo zakonodatel'stva // Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami. [On the issue of optimization of domestic anti-corruption criminal legislation // Actual issues of combating crimes.] 2016. № 1. P. 24–26.
7. Kucheryavyj N. P. Otvetstvennost' za vzyatochnichestvo po sovetскому ugolovnomu pravu. [Responsibility for bribery under Soviet criminal law.] M. : Gosyurizdat, 1957.
8. Saharov A. B. Otvetstvennost' za dolzhnostnye zloupotrebleniya po sovetскому ugolovnomu pravu. [Responsibility for abuse of office in the Soviet criminal law.] M.: Gosyurizdat, 1956.
9. Svetlov A. YA. Otvetstvennost' za dolzhnostnye prestupleniya. [Responsibility for malfeasance.] Kiev : Nauk. dumka, 1978.
10. YAmпол'skaya C. A. O dolzhnostnom lice v gosudarstvennom apparate // Voprosy sovetского administrativnogo prava. [About the official in the state apparatus // Issues of Soviet administrative law.] 1949. M.; L. : Izd-vo AN SSSR. P. 134–153.
11. SHnitenkov A. V. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv interesov sluzhby : dis. ...d-ra. jurid. nauk. [Responsibility for crimes against the interests of the service : dissertation of Doctor of Legal Sciences.] Orenburg, 2006.
12. Bugaevskaya N. V. Dolzhnostnoe lico kak sub»ekt prestupleniya : dis. ... kand. jurid. nauk. [Official as an entity of crime : dissertation of Doctor of Legal Sciences.] Ryazan', 2003.
13. Volkolupova V. A. Dolzhnostnoe lico kak sub»ekt ugolovnoj otvetstvennosti : dis. ... kand. jurid. nauk. [Official as a subject of criminal responsibility : dissertation of Candidate of Legal Sciences.] Volgograd, 2002.

14. Portnova YU. V. Dolzhnostnoe lico kak special'nyj sub»ekt prestupleniya : dis. ... kand. yurid. nauk. [Official as a special entity of crime : dissertation of Candidate of Legal Sciences.] M., 2004.

15. Zatepin O. K. Kvalifikaciya prestuplenij protiv voennoj bezopasnosti gosudarstva. [Qualification of crimes against the military security of the state.] M. : For the rights of military personnel, 2009.